Любите ли вы правду? Я отношусь к правде — если по правде! — подозрительно, предвзято и предосудительно. Наверное, как все. Вам лично нужна вся правда о вас? Вы, лично вы, любите правду о себе? Не о президенте Ельцине — а о себе? Вы же всё о себе знаете лучше других. И если даже за вами водятся грешки и изъяны, все равно... вы — если не самый лучший, то приемлемо хороший. Публичное перемывание ваших простительных недостатков — не обязательно и чаще всего не уместно. Не сейчас. Не здесь. Русский человек подвержен и самоедству, и самобичеванию, но все же...

Правда — субстанция деликатная... Не всегда уместна. Истинная правда: мы несовершенны. Но — каждый из нас, каждая из нас — совершенство. Когда у нас столько достоинств...

Зачем нам о том, что мы – Мы! – не окончательно совершенны? По правде говоря.

Но вы же за правду? За большую чистую и честную правду. Покрупному за правду.

Тем более, она есть, существует: русская правда. Правда с большой буквы. Немецкой – нет, британской – вряд ли, французской – тем более. У американцев – американская мечта, а не правда.

А у нас правда.

За что любят Василия Шукшина?

Он писатель хороший, может, даже – мирового калибра. Правда, мирового признания Василий Макарович все еще не получил, отечественных

правдолюбцев не особо чтят в американских мечтах. Но мы Шукшина не просто читаем и помним, но – любим.

За что? За правду.

Василий Шукшин – не обязательно правоверный реалист. Но он пишет правду. Нашу сибирскую, нашу русскую правду.

И она есть, русская правда у Шукшина. Есть высшая справедливость и это – Василий Шукшин.

Каждый из нас, русских, и тянется за этой правдой. Зачем едут к Василию Макаровичу? Не «зачем», а — за чем? Ну честно. Только и исключительно — за правдой.

Не к Ленину же – за правдой. А к Шукшину можно.

Есть в Сибири немало здешних прекрасных крупных писателей, очень достоверных, правдивых — апостолов сегодняшней правды: Вячеслав Шишков, Сергей Залыгин, тот же Валентин Распутин — совесть растерянной нации.

Я повспоминал сибирскую классику, и нет ни одного великого пишущего сибиряка, который бы – мимо правды.

Страстная правда Вячеслава Шишкова.

Революционная правда Вячеслава Иванова.

Деликатная правда Леонида Мартынова.

Безудержная правда Григория Гребенщикова.

Яростная безудержная правда Павла Васильева.

Строгая правда Валентина Распутина.

Космическая правда Петра Ершова.

Житейская правда Александра Вампилова.

Окопная правда Виктора Астафьева.

Очаровательно природная правда Василия Казанцева.

У Сибири – великая литература, потому что – за правду и: по правде.

Но у народной правды – щемящей, тревожной и пронзительной, он один, Василий Шукшин. Он подлинный. Подлинная правда.

Честная правда. Как моя мама божилась: истинная правда.

Это возможно только на русском: истинная правда. Не только истина, но и правда.

Традиционный Всесибирский МедиаФорум «Сибирь – территория надежд» финишировал прямо в Сростках – на родине Василия Макаровича.

Я на минутку задумался: зачем всякий разный народ стремится к Шукшину, на шукшинскую родину? Я-то понятно... Зачем – другие?

Казаркин: Правда Василия Шукшина поначалу будто писательская, потом характерологическая, а в последней книге «Беседы при ясной луне» она философская. Душа, а что после смерти и как это.

Омельчук: Яростная правда?

Александр Казаркин – профессор филологии:

– Надрывная порою. Человек в пороговой, в запредельной ситуации, его загоняют, унижают. Но это правда застойного времени, в которой он умер.

Омельчук: Следует ли вспоминать режим какого-то лидера, когда речь идет о вечном, Шукшин же художник масштаба Эсхила.

Казаркин: Наверное, это слишком все-таки, Эсхил-то две с половиной тысячи лет. Слишком смелая гипотеза.

Омельчук: Не Шекспир?

Казаркин: Нет. Даже Толстого, даже Достоевского рядом с Шекспиром ставить слишком смело.

Омельчук: В вас не говорят навязанные предубеждения?

Казаркин: Шекспир умер 400 лет назад. У нас тогда никакой литературы... В оценках всегда надо быть сдержанным, чтобы не выглядеть смешным.

Омельчук: Мы не можем определить масштаб современников?

Казаркин: Конечно, не можем. Только в качестве предположения.

Омельчук: Предположение: какой-то ничтожный Шекспир и наш великий Шукшин.

Казаркин: Провокационно и ернически. Не думаю, что мир знает Шукшина, как знает Шекспира.

Омельчук: Да фиг с ним, с миром. Мы же с тобой знаем цену яростной правды. А какая правда у Шекспира?

Казаркин: Как какая? Кровавая, страшная, бездны человеческой звериности, подвалы мерзости. И высоты. Знаешь, так не надо.

Омельчук: Мы этих бездн не достигли?

Казаркин: Русская душа может поглубже аглицкой нырять, и в клоаку, и в кровь, в безверие.

Омельчук: У нас есть конкуренты по правде? Да в мировых языках и слова-то «правда» нет?

Казаркин: Но там свои сленги.

Омельчук: Именно сленги, словечки...

Казаркин: Конечно. Шукшин не сибирский масштаб – всероссийский.

Омельчук: А когда всероссийский – уже мировой?

Казаркин: Ну, не всегда.

Омельчук: Петрович, ну чё жадничать, а?

Казаркин: Как исследователь литературы должен...

Омельчук: Вот Кафкочка – мировая величина, а Шукшин Алтаем не вышел.

Казаркин: Вы про Кафку, что ли?

Омельчук: Про него.

Казаркин: Шукшин неизмеримо выше. Во-первых, Кафка больной. Глубоко больной, это вообще печальное заблуждение, его растиражировали и преподают, студенты сдают зачеты, не понимая, что Кафка шизофреник глубочайший.

Омельчук: Летопись клиники?

Казаркин: Конечно, полная клиника.

Омельчук: Придет ли время русской правды?

Казаркин: Оно приходит. Русская правда сейчас борется за Россию.

Омельчук: Да она за мировую душу – борясь за Россию!

Казаркин: Да, цивилизация проваливается в свою собственную клоаку. Натуральная, биологически и психически нормальная жизнь — по окраинам. Сибирь такая окраина. Москва сейчас — страшное место.

Омельчук: Кафка?

Казаркин: Проклятие какое-то. Посмотрите, деревенская проза, новый реализм и традиционализм — они же из Сибири, с Русского Севера пошли главные-то. Это второе дыхание русского классического реализма.

На Алтае одновременно – в одну неделю вложились – проходило три праздника: Шукшинские чтения на горе Пикет, международный Шукшинский кинофестиваль и Всесибирский МедиаФорум «Сибирь – территория надежд».

Кстати, на кинофестивале презентовался (и успешно!) кинофильм «Белый ягель» по роману нашей землячки из Байдарацкой тундры нобелевской номинантки Анны Неркаги.

Кстати, правда Анны Неркаги – правда боли.

Заглавным на кинофестивале памяти Шукшина – широко известный актер и режиссер, народный артист России Сергей Петрович Никоненко.

Сложный у нас получился разговор с народным артистом.

Омельчук: Сергей Петрович, вы за правду живот положите?

Сергей Никоненко: Хороший вопрос задали, непростой.

Омельчук: Нравственность – есть правда?

Никоненко: Я даже скажу: некорректный вопрос. Нельзя же спрашивать: верующий ты или неверующий. Потому как дело интимное. Дело каждого человека — его душа. Нравственность есть правда? А Ленин говорил, не известно еще, какая правда правдистее. На это вы что скажете?

Сергей Никоненко

Омельчук: Лукав, лукав Ильич.

Никоненко: Да, слукавил в очередной раз. Но демагог был гениальный.

Омельчук: Да он и во всем гениальный... Гении же — народ вредный.

Никоненко: Ленин свою профессию писал – «журналист».

Омельчук: А они все лукавые. Нелукавых журналистов не бывает.

Никоненко: Давайте еще трудный вопрос.

Омельчук: Я хотел спросить о вашем фильме. Вы хорошо знаете Шукшина, какую правду искал Василий Макарович?

Никоненко: Нравственность.

Омельчук: Ну-у-у...

Никоненко: Вы не согласны? Ну, и не соглашайтесь, что ж я вас буду убеждать. Со мной согласны миллионы.

Омельчук: Так, да?

Никоненко: А как иначе. Вы говорите: нет, я говорю: да.

Омельчук: Какую правду вы вместе с Василием Макаровичем ищете в своем новом фильме? Главную правду.

Никоненко: Опять двадцать пять. Нравственность.

Омельчук: Это главная правда?

Никоненко: Со слухом-то у вас хорошо?

Омельчук: Это главная правда?

Никоненко: А что еще-то? Вся мировая политика сильных мира сего, заокеанских особенно, построена на лжи. Они ж в открытую говорят, что Сибирь слишком большая территория для России, надо бы кому-нибудь из них отдать. А кому отдавать? Американцам. Как они били себя в грудь кулаком: НАТО существует до тех пор, пока существует Варшавский договор. Что произошло? Они – к нашим границам. Им удалось поссорить братьев. Удалось же ведь? Я этому Порошенко, место которого на параше, я ему никогда...

Омельчук: Это не выбрасываем?

Никоненко: Это не выбрасывайте, нет, пускай меня не пускают в Украину.

Омельчук: На Украину или в Украину?

Никоненко: По всякому говорят: пошел ты в... или пошел ты на... Какая разница! Адрес известен. Важно, что я не могу ему простить слезы младенца, а там детей убивают, там становятся сиротами, калеками, недавно опять искалечили маленькую девочку. Как дятел заладил: унитарное государство. Сначала прекрати огонь, а потом договоримся. Это мое мнение

Омельчук: Скажите, русская литература и ее лучший представитель Василий Макарович Шукшин – это поиск правды?

Никоненко: Русская литература и лучший представитель для меня — Пушкин Александр Сергеевич.

Омельчук: Честно?

Никоненко: Нет, я вам всем вру, глядя в глаза.

Омельчук: А Василий Макарович в каком ряду?

Никоненко: Время определит его место в литературе. Пока это замечательный русский писатель.

Омельчук: Но русская литература, включая Пушкина, – это поиск правды, в отличие от всей другой литературы?

Никоненко: Как на экзамене, понимаешь, задает дурацкие вопросы, на которые семь умных не ответят. Родной мой, давай, от Адама и Евы. Помнишь, да?

Омельчук: Слабо.

Никоненко: Не помнишь?

Омельчук: Всех сорок колен не помню.

Никоненко: 40 колен я тоже подзабыл. Но могу сказать, русская литература основана на христианских принципах. А первый принцип – во главу угла садится – любовь к ближнему. А дальше все заповеди: не убий, не укради, хорошо бы не изменять жене мужу, а мужу жене. Всё на этом построено. А уж милость к падшим... Это кто призывал?

Омельчук: Ваш любимый.

Никоненко: Самый любимый.

Омельчук: Шукшин – любовь к ближнему?

Никоненко: Шукшин очень любил Есенина. Когда я играл Есенина, Шукшин, на ту пору еще жив, мне говорит: Серега, ты понимаешь, кого ты играешь, нет? Понимаешь, ответственность всю, понимаешь или нет? Я говорю: стараюсь, Вась, стараюсь.

На Алтае не только любят, но и чтят своих выдающихся земляков. Степной Алтай урожаен на земные русские таланты. Помимо Василия Шукшина — это незабываемый Роберт Рождественский, колоритный Михаил Евдокимов. Мы заглянули ко всем, но основательно остановились в Быстром Истоке. Это родина Бумбараша Советского Союза, великого актера, замечательного — на знаменитой Таганке — режиссера, и очень серьезного писателя. Валерий Сергеевич Золотухин.

Омельчук: Виталий Дмитриевич, вы правду любите?

Виталий Кирьянов – друг **Валерия Золотухина:** Кто ее не любит? Все любят.

Омельчук: И про себя всю правду любите?

Кирьянов: Народ всю правду про меня знает. Всю свою жизнь, много боролся за правду.

Омельчук: Скажите, а ваш друг Валерий Сергеевич Золотухин – правдолюбец?

Кирьянов: Естественно. Только правда.

Омельчук: Яростный?

Кирьянов: Яростный. Он не любил, когда его обманывали, а он сам никого никогла не обманывал и не подводил.

Омельчук: Артисты ж любят, когда им, ну леща...

Кирьянов: Ну кто не любит.

Омельчук: Он мог бы перенести: как ты сегодня был отвратителен в роли?

Кирьянов: Я думаю, такого бы человека не нашлось, и слово бы не высказалось, потому что он всегда прекрасен в роли. Красив, симпатичен и колоритен. На сцене в театре драматическом — это было всё. В Быстром Истоке он каждый год давал по нескольку концертов.

Омельчук: Выкладывался по полной?

Кирьянов: Всегда. Я вам приведу пример, раз уж пошло на это дело. В Барнауле единожды молодой человек говорит: я вам организую концерт. Приезжаем, в зале человек 20, а зал на 200. Я плечами пожал, ну думаю, чё, а Валера переодевается, одевается, всё как надо. Он сыграл для 15 человек, как будто бы полный аншлаг. Он сказал: всегда, даже если один человек, ты должен «от и до». Ну, это было что-то! 200 бы зрителей такого бы не ощутили, как он сыграл для 15-и.

Омельчук: Всё равно завистников много, блестяще играет, а скажут: провал. Такую правду он мог снести?

Кирьянов: Он к этому относился спокойно. Тоже боролся за правду. В этом он молодец.

Омельчук: Вы поняли его желание быть упокоенным именно здесь, в Быстром Истоке, в родной земле?

Кирьянов: Тяжело. Я до последнего говорил: зачем ты сюда? Зачем я тебя буду хоронить? Ты создашь всем проблемы. Тебя с Москвы перевезти сюда. Он мне: Дмитрич, не беспокойсь. Всё сделано, всё будет, всё как надо. Это место мы с ним определили, еще когда строили храм. Я помогал ему строить, старостой был, у нас священника долго не было. Стояло здание, где была церковь, такой Дом пионеров, бывший детский сад. В 2001 году мы с ним подошли сюда, где калитка. Он спрашивает: ты где меня будешь хоронить? Я это принял шуткой. Смотри, смотри, тут хорошо на этом бугорочке. Действительно бугорок, трава была, храм начали возводить. Всё так шуткой. Он приезжал сюда часто в Быстрый Исток, в год 2-3, если не все 5 раз. Уже храм открыли, он приходил всегда на это место. В 2003 году в августе он был последний раз, мы ездили к Евдокимову Михаилу Сергеевичу. Последний раз здесь с ним стояли. Я ему говорю: ты мне изгалдился с этим «где тебя хоронить». Достало это всё. Я шуткой всё, но зачем это.

Омельчук: И все-таки почему? Он же очень долго в столице жил, работал.

Кирьянов: Расскажу так... Вы, наверное, знаете, слышали, Анатолий Дмитриевич Заболоцкий есть, лучший друг Шукшина. Он в прошлом году первый раз сюда приехал. Он приехал домой ко мне, походил по саду по нашему и сказал: а теперь я, говорит, понял, почему Золотухин всегда стремился домой на Алтай, в Быстрый Исток.

Омельчук: Ну-ка.

Кирьянов: Тяга к родине. Валера, бывало только на денек приезжает, вечером приехал, в баню сходил, утром посидел, подышал, развернулся и уехал. Какая-то внутренняя энергетика, внутренний зов его звал в Быстрый Исток. Он свой утренний день начинал в молитве, у него свой иконостас, свечку зажигал, молился. Потом у него гимнастика дыхательная и на голове постоять.

Омельчук: Вы ж, наверно, примерные советские пионеры? нет? Атеисты?

Кирьянов: О-о-о... Я думаю, с начала 60-х годов он уже был чисто верующим. Навряд ли мы еще найдем такого человека, который верил так искренне. Когда вы читаете его дневники, видите, как много обращений к Богу.

Омельчук: В курсе – когда у него появилась идея построить за собственные средства церковь в родном Истоке?

Кирьянов: В конце 80-х годов, он издал первую книгу «На истокречушку, к сердцу моему». На той стороне вот Обь видно, там вытекает исток. После, как издал эту книгу, получил деньги, гонорар приходил ему, у него и возникла идея.

Омельчук: Быстрый Исток стоял без церкви?

Кирьянов: Здесь молельный дом был. Для него это была не обязанность, а радость души. Когда приезжал, смотрел на церковь, заходил в нее, он всегда был радостен. В этой деревне родился такой великий человек, такой же парнишонка деревенский, просто талант в нем.

Омельчук: Я – среди своих?

Кирьянов: Всё родное. Радостный человек, никогда не унывающий. Трудяга.

Омельчук: Сибирский характер?

Кирьянов: Сибирский. Твердый, жесткий, не жесткий – целенаправленный. Если он поставил цель, выполняет. Поставил цель построить молодежный театр в Барнауле (я был противником: у тебя и так много проблем) – осуществил. У него чисто крестьянский склад ума, вот чисто по разговорам, по всему, ну сидит колхозный, крестьянский мужик, сильный мужичок, сам себе на уме. Такой был. Никогда не подводил. Хоронили мы его, как раз снег шел, погода холодная, отвратительная, снег. Похоронили – минут через 5 выглянуло солнышко. Есть вон где-то там что-то, и выглядывает – солнце.

Омельчук: Солнечный человек, наверное?

Кирьянов: Понимают наверху.

Омельчук: А вот скажите, пожалуйста, читатель, какую правду у

Василия Шукшина нашел Сергей Козубенко? Какую правду? Чем он особенно притягивает?

Сергей Козубенко - промышленник, благотворитель, меценат: Я думаю, самая большая правда его, которой он притягивал, это народная правда. Это правда сельской жизни. Это правда сельского человека. Это правда простого русского мужика, который, находясь в условиях какой-то ограниченности, имел возможности что-то делать либо не имел. И он сумел связать в истории все эти несчастные судьбы друг с другом. Что у него очень хорошо получалось. Если говорить о народе, то я очень люблю свой народ... Я очень счастливый человек, потому, что я хорошо отношусь к своему народу. Я счастливый человек, потому что я могу помочь

Сергей Козубенко

чем-то своему народу. Мало у кого это получается, а я вот как-то хочу быть полезным людям. Шукшин дал какую-то нам основу понимания правильного в жизни.

Читатель Василия Шукшина Сергей Павлович Козубенко – читатель особый. Особо благодарный. Это его радением, его подвигом появился на Пикете великий памятник великому земляку. Это целая эпопея.

Наверное, памятник-эпос требует своего отдельного эпоса.

Как и положено в эпосе – в нем есть всё: и трагедия, и драма, но в эпилоге – выдающийся шедевр.

Никто, кроме Сергея Павловича Козубенко, не знает всех перипетий этого тернистого пути к правде настоящего искусства.

Омельчук: Сергей Павлович, кто место выбирал, кто Пикет нашел? Козырное место.

Козубенко: Выбирал лично Вячеслав Михайлович Клыков. Он это место увидел, сразу определил и говорит: вот здесь должен быть памятник. Другого места ему нет. Потому как сюда Макарыч любил приходить, чтобы посидеть, помечтать, почитать, пописать. Это было его любимое место, куда он мог приходить, когда хотел, и где мог проводить много времени. Он очень любил это место на Пикете. Поэтому оно выбрано специально под Василия Макарыча. Мы забирались на гору несколько раз, выбирали место под памятник.

Выбрали. Через три дня приехали, еще раз поднялись на Пикет. Приняли решение. Памятнику быть здесь.

Омельчук: Вам поглянулось?

Козубенко: Очень даже, очень. С этого места видна река Катунь, родное село Василия Макаровича Сростки, виден дальний периметр, горизонт на сорок километров примерно просматривается...

Омельчук: Да Северный Полюс Сибири виден...

Козубенко: Северный Полюс пупка Сибири...

Омельчук: Виден с этого места?

Козубенко: Конечно.

Омельчук: Да, вся Сибирь на запад, на север, только на юг горы загораживают...

Козубенко: Конечно. Я в детстве читал его книги, смотрел фильмы, мне очень всё нравилось. Нравилось потому, что Василий Макарыч был человеком какого-то необычайного таланта. Он как-то по-другому и высказывался, по-другому писал, по-другому говорил. Очень привлекал нас своим творчеством. В сложные времена, в 1993 году, я оказался в студии скульптора Вячеслава Михайловича Клыкова, в Москве, на Ордынке. Ну и завязался у нас диалог, больше казачий, чем творческий. И как-то сблизились мы. Я с первой встречи зауважал Вячеслава Михайловича, зауважал по-мужски. Мне понравилось, как он хорошо владеет

историей, как выстраивает свои мысли, как завтрашний день видит. Историк, конечно, он очень знатный, очень хорошо знал историю. Все факты очень прекрасно помнил. Мы с того времени больше и больше стали привязываться друг к другу. Но ключевой момент — это его творчество.

Омельчук: А «Шукшин» – чья идея?

Козубенко: Вячеслава Михайловича, это его идея изначальная, она жила в нем. И он ставил до того минипамятник в музее в Сростках, сто- ит в рост Шукшин. Клыков очень был к нему проникнут. Он очень его ценил, творчество его уважал. Мы долго обговаривали, как будем реализовывать свою идею. Проект создания памятника очень дорогостоящий, и первоначально было шесть желающих, кто собирался помочь и поддержать его. Но в результате никого не осталось. Я оказался один и с удовольствием взялся за этот проект. Мы его быстро осуществили, практически за полгода. И памятник Василию Макаровичу Шукшину получился такой, какой получился.

Омельчук: Гениальное озарение – с чистого листа. Памятник гениальный, вот он как бы с первого эскиза, или долго Вячеслав Михайлович рисовал и воображал?

Козубенко: Менял несколько раз, с какой стороны...

Омельчук: Но идея – сидящий?

Козубенко: Идея сразу была утверждена, идея не менялась.

Омельчук: Вам не показалось, что Василий Макарыч ну простоват, сидит босяк, на вершине. Нет?

Козубенко: Я думаю, это именно тот Василий Макарыч, изнутри.

Омельчук: Живой, настоящий?

Козубенко: Это тот Василий Макарыч, который работал изнутри. Вячеслав Михайлович сумел создать и передать образ Шукшина таким, каким он был в жизни. Шукшин – русский мужик, наделенный огромным талантом. Он был прост и доступен. Я считаю, Вячеслав Михайлович создал его таким, какой он был в жизни.

Омельчук: А вообще сибиряки ж – они задумчивые люди?

Козубенко: Ну да, задумчивые.

Омельчук: Очень...

Козубенко: И иногда даже скрупулезные.

Омельчук: Любят поразмышлять на босу ногу?

Козубенко: Конечно, конечно.

Омельчук: А Сергей Павлович, ну тяжел, вернее, горек хлеб мецената, удалось наконец этот памятник передать государству?

Козубенко: Пятнадцать лет как он стоит на горе Пикет. Он живет. Меня пригласили в этом году на мероприятие, пригласил новый губернатор, на церемонию проведения Шукшинских чтений. Памятник передали, передали мы его, в прошлом году утвердили после всех скандалов. Я встречался с директором музея в Сростках, нашли понимание и закрыли вопрос. Слава Богу, что так.

Не ценим мы своих гениальных современников. В обыденке бытия. Большое увидится на расстоянии. Нужна дистанция времени.

2004 год. В Тюмени проездом в Ишим, он там начинает памятник Параше Луполовой, великий русский скульптор Вячеслав Михайлович Клыков. Но тогда — рядовой, понятно, талантливый, но еще не особо знаменитый, постоянно опальный. Речь у нас с ним в студии о клыковских сибирских замыслах. Памятника Шукшину на Пикете — это уже трудно представить — еще нет.

Это уникальная телезапись сохранилась в видеоанналах телекомпании «Регион-Тюмень».

Клыков: Но если сказать, сейчас отливается, начата отливка памятника Василию Макаровичу Шукшину для Сросток. В этом году 75 лет со дня рождения его. Ну и там, где всегда проходят чтения, посвященные Василию Макаровичу, это на горе Пикет, мы наконец установим памятник. Так по размеру, я думаю, неплохой памятник будет.

Омельчук: Шукшин идущий или сидящий?

Клыков: Сидящий на своей земле. Вот, если...

Вячеслав Клыков

Омельчук: В крестьянских штанах?

Клыков: Ну, не в крестьянских, он

Омельчук: Босиком?

Клыков: Босиком. Вот так, как помните в «Печках-лавочках» финал фильма, они сидит и говорит – все ребята, конец ребята. И вот этот мотив мне хотелось использовать в скульптуре. Разумеется, там кинематографический мотив, в скульптуре другие закономерности, но по композиции я хотел сделать именно такую вещь. Он сидит на своей земле, пришел, сел на свою землю, гора Пикет, которую он обожал и любил всегда, когда приезжал, тут же шел на гору. Вы помните, в его воспоминаниях

упоминалось, что гора Пикет, да, он так и говорил: «Мне кажется, что гора Пикет — это пуп земли». Вы знаете, я бывал там несколько раз, мне кажется, он прав. Такое огромное пространство вокруг вилно.

Омельчук: Там недалеко Белуха, это уж точно пуп земли!

Клыков: Вот видите. Белокуриха рядом и Белуха.

Омельчук: Да, самая главная вершина Алтая. То есть сибирские замыслы пошли кучно: Шукшин, Параша Луполова?

Клыков: Но это не замыслы. Это, скорее всего, ответ на ту потребность, которая уже назрела в обществе и в людях. Ведь вы знаете, вы как писатель, Анатолий Константинович, знаете, любовь к Шукшину — она же не только как к писателю, это, прежде всего, к личности. И Василий Макарович нес в себе эти качества именно прежде всего, уникальной личности, которую трудно охарактеризовать, как писатель, как режиссер или как актер. Это, видимо, знамение времени, когда время рождает таких личностей, он появляется, своим обликом говоря о том, что похож на всех нас. Ведь каждый узнавал его в простом человеке, да и каждый себя узнавал в нем. Настолько в нем господь Бог дал такой исторический лик и облик нашего народа, русского. Вот отсюда и любовь к нему. Не потому, что он хороший писатель, или режиссер, или даже актер. В нем все было едино, слитно и органично.

Сибирь еще не сказала полноценного «спасибо» великому благотворителю Сергею Павловиче Козубенко.

Монумент Шукшину...

Что это?

Да, это продолжение пути к русской правде.

И очищение.

Здесь, на этом пути, в этом благословенном месте очищается русская душа.

Омельчук: Встречали в жизни памятники, более естественно вписанные? Это же не только создание (хотя, конечно, создание) гениального скульптура, но это сам Шукшин на Пикете, Пикет как будто с Шукшиным там и родился. Кто знает, что вершина была голая. А сейчас... такой естественный и величественный?

Козубенко: Я считаю, что...

Омельчук: Встречались?

Козубенко: Каждая работа скульптора, творчество работы скульптора — это индивидуум. Тот индивидуум в каждом заложен, но как он проявляется, это оценка уже зрителя. Мы смотрим и говорим: так или не так — потом. Ну чтобы угадать скульптору и попасть в десятку — это много чего стоит и мало у кого получается.

Шукшин. Тот последний кадр

Омельчук: Всегда там сидел. Ну всегда Василий Макарыч там сидел, не сходил. И в XVII веке встречал первых русских казаков?

Козубенко: Идея вообще Вячеслава Михайловича: гора Пикет – это Ермак. Он хотел еще присоединить, дополнить Ермаком и замкнуть полностью гору Пикет еще несколькими скульптурами.

Омельчук: Сергей Павлович, конечно же, это Шукшин, только Шукшин и исключительно Шукшин. И все-таки это памятник только ли Василию Макарычу?

Вячеслав Клыков. На горе Пикет. Фото А. Заболоцкого

Козубенко: Я считаю, что это памятник эпохи, времени Василия Макарыча. Это то время, был Василий Макарыч, был Высоцкий Владимир Семенович. Это были те личности, которые в то время, они шли по своему сценарию, и им не давали быть теми, кем они хотели. За что страдал Владимир Семенович Высоцкий? За то, что его недопонимали. Многие роли ему не давали. Василий Макарыч за это же самое страдал. Он не мог преподнести себя на сцене в полном своем объеме. Это ему стоило много нервов, это ему стоило много недопонимания, много конфликтных ситуаций различных, которые приводили его постоянно в уединение. И находясь на горе Пикет, чувствовал себя комфортно, потому что он

был там один, что хотел, писал, о чем хотел, говорил. И был недоступен хоть на время обществу.

Омельчук: Вот сидит на Пикете гениальный сибирский мужик и всем своим видом демонстрирует и всем гостям показывает: сибирский мужик умеет размышлять, умеет делать, умеет освоить Сибирь, умеет ее обустроить. Это памятник не просто сибирскому мужику, а гениальному сибирскому мужику, начиная с первого русского сибиряка Ермака?

Козубенко: Наверно, в этом есть правда. Наверно, это так. Потому что в то сложное время Василий Макарыч брал ответственность на себя, не с кем было советоваться, говорить. Он был индивидуален.

Омельчук: Это ваше лучшее произведение – мецената Козубенко, или длинный ряд? Чем гордитесь? Первый в этом ряду, а? Ну так честно?

Козубенко: Сложный вопрос очень. Я думаю, наверно, это одно из самых громких событий в моей жизни, что мне довелось поучаствовать вместе с величайшим скульптором Клыковым Вячеславом Михайловичем. Много других проектов, которые были, они постоянно у меня идут. Но я все-таки думаю, что этот проект настоящий. Он нужен был времени и тем людям, которые в нём нуждались.

Омельчук: А реакция Клыкова, когда отрывался этот памятник?

Козубенко: Реакция,...

Омельчук: Помните?

Козубенко: Ну конечно, помню...

Омельчук: Он вообще мужик не слезливый?

Козубенко: Нет, он крепкий в этом плане. Мы вместе с ним снимали накидку с памятника при огромном количестве людей. Он переживал, волновался. Он, когда дали микрофон, очень волновался. Вячеслав Михайлович умел с собой совладать. Он очень сильная личность.

На МедиаФоруме «Сибирь – территория надежд» информационная программа «Региона» «Тюмень – время действий» попала в победители. Почему? Я для себя ответил: за правду жизни. Принцип «Региона» – мы народное телевидение, мы – телевидение жизни.

Сегодняшняя правда жизни: надо действовать. Можно впадать в уныние, можно беспощадно всё критиковать, можно строить иллюзии либо наоборот: квакать на болоте. Но – по правде! – нужно действовать, работать – головой и руками. Время сложное, но за нас оно само ничего не сделает.

Омельчук: Почему ваша мечта сходить к Макарычу – потаенная? Почему потаенная-то мечта? От себя таил?

Александр Ярошенко — журналист «Российской газеты»: потаенная. Я честно не верил, что она осуществится. Что жизнь преподнесет такой подарок — приехать на родину Шукшина. Не верил. А почему

мечта? Я деревенский. Шукшин – классик, это часть моей души, часть меня. Он – из любимейших писателей. Я понимаю каждое его слово, каждый звук, каждое дыхание. Вот так.

Омельчук: Классик или близкий человек?

Ярошенко: Симбиоз. С одной стороны посмотрю – классик, с другой посмотрю – родной человек. Почти батя.

Омельчук: А что больше всего в Шукшине подкупает?

Ярошенко: Он же пишет о мамке моей, о теть Шуре, о земле моей, о тех людях, среди которых я вырос и благодаря которым я стал, кем стал. Обо мне, в конце концов. Вот и всё.

Омельчук: Шукшин – магистрально: поиск правды?

Ярошенко: Наверно, да. Поиск правды именно каждого человека, не глобально, не державно. Каждый ищет свою правду. Его жизнь – его правда. Правда разная, человеческая – земная и голыми пятками по земле хоженная. Это чувствуется через пяточки-то, вся правда шукшинская.

Омельчук: А правда Ярошенко?

Ярошенко: Ой, даже не зна...

Омельчук: Ищу?

Ярошенко: Главная правда – человек.

Омельчук: Я или человек?

Ярошенко: Человек. Человек.

Омельчук: Другой?

Ярошенко: Другой. Что я со своим эгоизмом, со своей правдой. Моя правда, она такая: живу правдами других.

Омельчук: А что, разве правда отрицает эгоизм?

Ярошенко: Наверное, не отрицает. Всего намешано, как можно одной краской жизнь писать: черной-белой, оттенков – тысячи.

Омельчук: Найду свою правду?

Ярошенко: Буду стараться.

Лидер Союза журналистов России Всеволод Богданов честно пристрастен: он любит Сибирь, а в Сибири – особенно Тюмень. Не стесняется своей пристрастности. Наверное, знает, за что можно любить Тюмень. Время действий в России – это и вчера, и сегодня – Тюмень.

Омельчук: Всеволод Леонидович, мы с вами столь давно знакомы, что думаю, у меня есть право задать дурацкий вопрос. Что есть правда?

Всеволод Богданов – лидер Союза журналистов России:

– Правда – суть профессии журналиста. Журналист пишет и должен найти истину, открыть ее. Вот правда любви – самая сильная, человек никогда не заставит себя соврать. Признание самое искреннее, самое мощное. Истина плюс любовь – вот правда.

Омельчук: А журналистика похожа на философию? У философа – поиск истины, а поиск правды?

Богданов: Она должна быть такой. Найдя, обретя правду, истину, классические отечественные журналисты помогали обустроить жизнь обществу. Сегодня многие ушли от этого. Это беда. Общественное сознание вмиг обеднело, обнищало.

Омельчук: Нет у человека стремления к правде – нет журналиста?

Богданов: Сто процентов.

Омельчук: Мы с вами на родине Василия Макаровича Шукшина. Были знакомы?

Богданов: Очень мало. Но когда его не стало, я поехал в Сростки, я ходил по этой горе, я плакал. И это тот человек, у которого всё повязано на правде и на любви.

Омельчук: Других примеров в мировой литературе – страстное желание правды – не припомните.

Богданов: Наверное, есть, но крошечно. Люди предпочитают иметь много денег, гарантии своей жизни. Я не потому, что ты, Омельчук, приехал из своей любимой Тюмени, я тебе скажу, что то строительство, которое было: Ханты-Мансийск, Сургут, Нижневартовск, Тюмень – там удачное совпадение в том, что пришли люди не только в поисках своей нефти, но и своей правды, с большой любовью опять же. Они и теперь верят, что это их земля, их жизнь, их счастье только от них зависит. За что я люблю вас? Вспоминаю первую фразу, когда впервые к вам приехал: Толя, ты ее помнишь? Затюменилась Тюмень, занепогодилась. Что будет дальше — неизвестно. Прошли годы, это было в 60-е, ушел век, новое тысячелетие, и я вижу оптимистичных людей, как ты, которые ищут в Сибири свою истину, свое счастье, свою радость. Это важно, это хлеб в журналистике.

Омельчук: Перечитываешь Шукшина?

Богданов: По настроению.

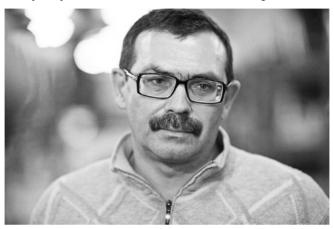
Омельчук: Глоток правды?

Богданов: Глоток правды. Любви.

Он совсем недавно удостоен звания лауреата Государственной премии России. Главная литературная премия страны. Он – писатель, литературовед, лит. критик, а еще – ведущий колумнист «Российской газеты». Его литературную колонку в ведущей газете страны, понятно

же, читает каждый уважающийся себя русский писатель. Так что не будет преувеличением назвать Павла Басинского (речь именно о нем) «главным ответственным за отечественную литературу в России». Неоценимое качество Басинского — он не входит ни в какой лит. лагерь, не тенденциозен — и очень старается, он оценивает пишущих современников только с точки зрения качества их шедевров. Критик не злой, но строгий. Особым его вниманием пользуется литература за столичным Садовым кольцом, литературная провинция.

Но на Алтае у Шукшина Павел Басинский впервые.

Павел Басинский

Омельчук: Павел Валерьевич, вас Шукшин пригласил лично, или в Сростках по литературным обстоятельствам?

Басинский: Конечно, Василий Макарович. Только у Шукшина могут вместе собираться кинематографисты, писатели, актеры, солидный кинофестиваль «Литературный перекресток». Я не знаю другого случая, чтобы режиссер, актер и писатель были равновелики в одном лице. Только Василий Макарович.

Омельчук: Вы с ним на ты, на вы?

Басинский: Конечно, на вы. На вы. Я перед Шукшиным преклоняюсь, поэтому. Я занимаюсь Толстым и Горьким, но Шукшину я мысленно кланяюсь всегда.

Омельчук: Что ищет Басинский, открывая книгу Шукшина?

Басинский: Характеры. Моя любимая книга — «Характеры». Он гениально изображал русские характеры. Это моя любимая книга. Ему удавалось, как впервые Тургеневу в «Записках охотника», показать образы русских крестьян. Была сплошная масса, Шушкину удалось показать русские характеры: смешные, трагические, пронзительные, трогательные. Я у Шукшина ищу характер, русский характер.

Омельчук: Павел Валерьевич, правда есть?

Басинский: Правда есть. Только видит ее один Бог.

Омельчук: Русская правда есть?

Басинский: Русская правда тоже есть.

Омельчук: Её видит только русский Бог?

Басинский: Нет, русского Бога нет. Я не язычник. Бог один. Он видит и русскую правду, и немецкую правду. Он всю правду видит.

Омельчук: Шукшин – это правда?

Басинский: Шукшин – это правда. Но и её у него нужно разгадывать. Полагаю, он сам не знал всего, что изображал.

Омельчук: А о чём для вас правда Шукшина?

Басинский: В русском характере, Шукшин, понятно, искал русскую правду. Почему он хотел, мечтал о фильме про Степана Разина, чувствовал, что где-то здесь находится сосредоточие этой русской правды, бунта против несправедливости извечной, которая в русском народе всегда была. И остается, кстати говоря, до сих пор. Эта тема, как говорится, сейчас актуальна, современная. Он русскую правду искал. Именно русскую.

Омельчук: Далеко ли будет от истины, если мы скажем, что Василий Макарыч – «святой Василий» русской литературы?

Басинский: Я такого не люблю. Писатель — не святой. Я занимаюсь Львом Толстым, его тоже пытались в святого произвести. Не люблю. Не люблю применительно к литературе. Литература не святая. В Шукшине есть и святая Русь, и не святая Русь. Этим он велик как писатель. Он не житие писап

Омельчук: Творческая правда Шукшина шире, глубже, чем русская правда?

Басинский: Если вы начинаете глубоко погружаться в метафизику своего народа, своей нации, духа национального, то неизбежно выходите за пределы. Это произошло у Достоевского, его правда становится всемирной. Карамзин говорил: народы суть мысли божьи, они все равны, как мысли одни. Но если ты глубоко погружаешься и честно это изображаешь – выходишь за пределы.

Омельчук: Бог творцу дает ровно столько, сколько положено. Шукшин всё успел сказать?

Басинский: Шукшин тот случай, ему дано было дара сверх меры, таланта, энергии, силы внутренней. Если бы он еще 100 лет прожил, всё равно всё не смог сказать. Что мог, сказал. В какой-то степени это приемлемо, потому что Шукшин загадку оставил. Он умер, не высказавшись до конца, это очевидно совершенно.

Омельчук: К Макарычу на Пикет поднимались когда-нибудь?

Басинский: Впервые.

Омельчук: Здравствуй, Макарыч!

Басинский: Поклонюсь. Я и с Пушкиным не на дружеской ноге, и с Шукшиным. Я поклонюсь. Преклоняюсь.

Омельчук: И всё-таки литература – это ж в том числе и игра?

Басинский: В какой-то степени, да. Писатель тоже артист, поскольку он перевоплощается, когда пишет своих персонажей. Он не лицедей, он не играет, он вглубь их уходит. Но момент артистизма есть.

Омельчук: Василий Макарыч не слишком ли серьезен – у него не чересчур всурьез?

Басинский: Я вас умоляю! Шукшин как раз и в жизни часто играл, человека из глубинки, который покоряет Москву. Я сам в свое время покорял Москву, я родом из Волгограда, но все же не из деревни. Конечно, он играл. Он играл как раз в своем внешнем поведении, безусловно.

Село Сростки. Вид с горы Пикет

Омельчук: Не всурьез?

Басинский: Трудно понять, он иногда юродствовал.

Омельчук: Юродство – это же глубочайшая мудрость?

Басинский: Ну да.

Омельчук: Наша русская мудрость?

Басинский: Конечно.

Омельчук: Неразгаданная?

Басинский: Да.

Не стану Вам советовать: открыть или перечесть книжку Василия Шукшина. Каждый сделает сам, если захочет. Книга — это только по

любви. Когда – для человека – приходит время правды, приходит и время открыть книжку писателя с Пикета.

А на Алтай надо съездить непременно. Помимо всего – этот российский Эдем еще и родина отдельного сибирского человечества.

Вы сибиряк?

Родину надо знать.

По правде. Гора Пикет, Алтай, село Сростки.

Омельчук: Над Сибирью дымное марево. Сегодня над всей Сибирью марево уже много дней – от Урала до Байкала и Саян, дымная туманная дымка. Застит белый сибирский свет. Вчера здесь, на Пикете, шел беспробудный проливной дождь. Я к чему о погоде на фоне Василия Макаровича Шукшина? Мы с ним встречались, встречаемся не первый раз. Всегда как-то везло, на погоду можно было не обращать внимания, и небо голубое, и на миллион километров окрест видимость. Сегодня я подумал – когда сталкиваешься с непогодой – вот сидит один страж Сибири, льют проливные дожди, промозглые осенние, задувает сибирская пурга, весенняя слякоть, осенняя сырость, туманы, когда не видно даже родного села Сростки, а он сидит во все погоды. Студёно, душно, жарко, хорошо по-сибирски, в любую погоду сидит, сторожит нашу с вами Сибирь, чтобы с ней, кроме погоды, всё было благополучно и хорошо. Я еще раз задумываюсь о гениальности замысла авторов памятника Шукшину на горе Пикет – это и выдающийся скульптор Вячеслав Клыков, и инициатор этого памятника, меценат Сергей Козубенко. Это ж надо выбрать лучшее! на всю Сибирь до берегов Тихого океана место! Я бы сказал – гениальное место. Они здесь друг другу созвучны и соразмерны. Гениальный сибиряк, великий русский писатель Василий Макарович Шукшин и эта, казалась бы, обычная гора Пикет. Не было Шукшина здесь – была рядовая гора. Появился Шукшин, простой сибирский мужик, и гора приобрела ну просто сакральное значение. Наверно, во всем мире невозможно найти такое естественное сочетание. Они встретились здесь так естественно. И не потому, что Сростки – его родина, они встретились, они должны были встретиться. Я догадываюсь и понимаю, что Василий Шукшин – такое же природное произведение, произведение нашей сибирской природы. И вечный страж – чтобы в Сибири всё было хорошо.